

В материнской утробе, до появления на свет, человек знает абсолютно все про этот мир, ему открыта память предков. Но в момент рождения прилетает ангел и легонько бьет ребенка в ямочку под носом. Дитя все забывает. Поэтому, родившись, человек должен искать и открывать то, что уже знал.

Древняя притча

Глава 1

1

Шурка любит приврать и прихвастнуть. Утверждает, что помнит себя две недели назад. Наглая ложь! Две недели назад они представляли собой клеточку, различимую лишь под микроскопом. Да и сейчас каждый из них — не больше макового зернышка. Даже не знают — мальчики они или девочки. Хорошо бы, конечно, девочками родиться. И быть красавицами, как испанская бабушка Софья, жившая в шестнадцатом веке. Правда, мракобесы ее на костер отправили, посчитав бабушкину красоту

дьявольской. Но в двадцать первом столетии никого за чудный лик и статную фигуру не сжигают. Напротив, как говорит папочка, это дополнительный бонус для жизненных успехов.

Ни папочка, ни мамочка пока об их существовании не подозревают. Но надо же как-то себя называть? Поэтому выбрали имена, подходящие к обоим полам, — Женя и Шура. И разговаривают они, не разжимая губ. Да и губ-то у них нет, а также глаз, носиков, ручек, ножек — все потом вырастет и прорежется. Спрашивается, как они могут общаться, если мозги отсутствуют? Кто ответит на этот вопрос, а заодно объяснит, каким образом кодируется информация о многих поколениях в микроскопической клетке, станет величайшим ученым. Но и не зная принципа работы телефона, можно разговаривать по нему сутками. Поэтому Женю с Шурой не волнует, почему они болтают, главное — болтают.

Хотя они спрятаны в глубине мамочкиного тела, всё, что происходит снаружи, отлично слышат и зрительно представляют, комментируют и обсуждают. Шурка, хвастунишка, по каждому поводу заявляет: а я бы тут лучше сделала, а я бы умнее поступила...

Вот сейчас мамочка сидит перед компьютером, раскладывает пасьянс, а Шурка возмущается:

— Зачем она пиковую даму на бубнового короля положила? Не видит в мать короля! Заново карты сдала, хотя еще три перестановки можно было сделать! Снова ведь не сойдется, я бы на ее месте не профукала!

— Ей не до карт сейчас, — выступает в защиту мамочки Женя. — Бедняжка! Накрасилась, джинсы новые надела, вчера за них ползарплаты выложила, а папочка не звонит. Мамочка уже два часа тупо пасьянсы раскладывает, а папочка ни гу-гу. Все-таки он у нас жестокосердный. Не находишь?

— Что я говорила? Не сошлось! Двадцатый раз! Просто злость берет, о чем она думает?

— О папочке. Точно жестокосердный, — продолжает свою мысль Женя, — почти как дедушка Казимир.

Всех своих предков они договорились называть просто бабушками и дедушками, потому что нелепо и долго «пра-пра-пра...» твердить, в заику превращаешься. А самому первому дикому предку надо десять тысяч раз пра-пракнуть. Хотя о первых родственничках вспоминать неинтересно. Полуживотное существование. Пока догадались камень к палке привязать или огонь развести, столько времени убежало. Интересное начинается за несколько тысяч лет до новой эры в Южной Америке, Месопотамии, когда цивилизация про-

клюнулась. А дальше пошло такое кино — засмотришься!

— Польский Казимир, который с Отрепьевым-самозванцем в смутное время в Москве заправлял? — уточнила Шура.

— Он самый, двоюродный брат Марины Мнишек, в которую Гришка Отрепьев был влюблен без памяти, а она его использовала...

— Тот Казимир, — перебила Шура, — мучался жесточайшими головными болями. А его лечили тем, что к макушке лошадиный навоз прикладывали. Если бы мне на голову дерьмо положили, я бы тоже на людей бросалась.

— У тебя пока еще нет головы, — напомнила Женя. — И выражайся без грубостей!

— Смотри! Мамочка опять вальта зевнула!

— Не вальта, а валета! Мамочка русский язык преподает, а ты выражаешься, как бабушка Гаврила биндюжник.

— Он, между прочим, в Одесском порту первый силач был. И папочка в мужской компании тоже иногда выражается.

— Но тебе тут не пивнущка, а тихая девичья спальенка. И мы — не мужская компания, а две сестрички. Как ты думаешь, если бы мамочка тихонько подсмотрела или подслушала, какую папочка ненормативную лексику использовал, когда на Эльбрусе в трещину провалился, она бы его полюбила? Или в ужасе бежала подальше?

— Что ты все про любовь да про любовь? Надоела. Точно других тем нет. Вот, пожалуйста! Мамочка снова проиграла!

— Будто карты важнее любви мамочки и папочки!

— Женька, еще раз про любовь вякнешь, лягну!

— Чем, интересно? Были бы ноги или руки, я бы тебе первой врезала, чтобы не хвасталась. Еще родиться не успела, а уже самая умная. Гений в зародыше!

— Ну, погоди! Вот подрасту, тогда увидим, кто из нас старший!

— Ой, испугалась! Все равно старшим будет тот, кто первым родится. А я тебя ни за что вперед себя не пропущу!

— А я — тебя!

Споры о том, кто из них старше, и, стало быть, главнее, велись у них постоянно. И начались через три секунды после того, как они себя осознали, поняли, что двойняшки. Шурка сочиняла, будто помнит себя от зачатия, именно для того, чтобы выступить старшей. Правдивая, но упрямая Женька потакать сестре не желала. Пасьянс не сходиллся тридцатый или сотый раз, точно компьютерные карты были заговоренными. Нина посмотрела на часы в правый нижний угол монитора. Двадцать тридцать. Значит, она, расфуфыренная и наряженная, уже

полтора часа тупо щелкает мышкой. Сергей не звонит. Где он сейчас? Очевидно, на высоте. В точном значении слова — на верхотуре. Висит на фасаде здания или на заводской трубе, монтирует рекламный щит на офисной башне или моет звезды Кремля. Сергей — промышленный альпинист. Нина и не подозревала о такой профессии до знакомства с ним. Она всегда боялась высоты, и предположить, что есть люди, которые по доброй воле, подвешенные на веревках, будут ползать по стенам небоскребов, не могла. Они называют себя промальпы. Встречаясь, спрашивают друг друга: «Ты сейчас висишь?» — что означает: «Работа есть?» Глагол «висеть» у них самый употребительный. Еще они, шутя, называют свою работу сидячей и надомной. Потому что работают сидя и при этом висят на доме.

Нина с Сергеем познакомились, когда он повис напротив ее окна.

В квартире жарко. Отопление включили в конце октября, да сразу на большую мощность, словно требовалось сжечь неучтенное топливо перед ревизией. А наступили теплые дни. На улице плюс десять, в комнате — до тридцати, в открытые окна улетает дорого оплачиваемое тепло. Нина сидела за столом, проверяла письменные работы студентов. Уловила неясный шорох, повернула голову... и чуть не свалилась

со стула. Напротив окна висел молодой человек! На седьмом этаже!

Конечно, Нина испугалась. Но ее мозг устроен так, что не терпит непонятностей и быстро подсказывает объяснения ситуациям, как бы ни абсурдны они были. Вот и тогда страх ударил по мозгам, и через секунду они выдали первое подвернувшееся толкование: молодой человек хотел покончить жизнь самоубийством, повеситься (веревки болтаются), накинул петлю на шею, вывалился в окно, что-то не рассчитал и поехал вниз по стене, затормозил у ее окна...

— Не надо! Подождите! — Нина сорвалась с места и бросилась к самоубийце.

Она схватила его за талию и стала втаскивать в комнату, при этом не переставала отговаривать несчастного от опрометчивого решения:

— Не торопитесь! Все наладится! Вам врачи, психологи помогут! Жизнь прекрасна!

Сергей потом говорил, что в его практике случалось разное. Один бдительный пенсионер после передачи, рассказывающей, как домушники спускаются на веревках с крыши и грабят квартиры, схватил его веревку и принялся резать острым охотничьим ножом. Сражаться с дедом было очень неудобно, словесные доводы (попросту — дикая брань) старика не убеждали. И перепилил-таки! Сергей повис на страховке, под ним было пятнадцать этажей.

Но чтобы девушка активно втягивала его в собственную квартиру? Хотелось бы предположить, что он мгновенно покорила даму своей мужественной красотой. Так покорила, что она почти взбесилась от страсти? При всех условиях ему ничего не оставалось, как подтравить веревку. Снаряжение у него профессиональное, веревка выдерживает несколько тонн, девушке не осилить, поможем.

Они барахтались на полу, куда Нина свалила «самоубийцу». Сергей практически бездействовал. Девушка-то оказалась с приветом! Ползала по нему, шарила руками по шее и твердила что-то про врачей и прекрасную жизнь.

Наконец Нина сообразила, что «самоубийца» неправильный: на шее петель нет, а веревки крепятся к большим кольцам на широком ремне. Да и выглядит молодой человек вовсе не так, как должен выглядеть отчаявшийся субъект. Никакой грусти, печали или безысходной меланхолии в глазах. Напротив, взирает на нее с насмешливой опаской.

— Как вы здесь оказались? — Нина прекратила поиски удавки на шее и стала на колени.

— Вы меня втащили, — справедливо ответил лежащий в позе черепахи кверху брюхом Сергей.

— А зачем висели напротив моего окна?

— У меня работа такая.

— Пугать людей, заглядывая в их квартиры?

— Иногда случается. Но вообще-то я промальп. Может, поднимемся?

— Куда поднимемся?

— В смысле: встанем на ноги. А то неудобно: вы на коленях, я навзничь.

Нина поднялась. Она работала преподавателем всего два года, но учительский тон освоила. Этим строгим тоном и спросила:

— Еще раз повторите: вы кто?

— Сергей.

Он тоже встал. Рассматривал ее, теперь уже с легкой жалостью: такая симпатичная и со сдвигом.

— Я не спрашиваю, как вас зовут, — преподавательский металл звенел в Нинином голосе. — Я спрашиваю, почему вы висели за окном?

— Обследовал фасад, чтобы понять, какие стыки требуют ремонта. Говорю же: я промальп.

— Пром... кто?

— Промышленный альпинист.

— Какой альпинист?

У Нины чуть закружилась голова: от пережитого волнения из-за ошибочного суицида, от того, что дурочку сваяла, а парень, стоящий напротив, был очень интересным и очутился в ее комнате совершенно фантастическим образом. Она в его глазах, наверно, идиотка, каких поискать. Нина нахмурилась, мысленно прика-

зала себе не раскисать, но выработанный учительский тон уже поддерживать будет трудно.

— Промышленный альпинист, — терпеливо повторил Сергей. — В вашем доме ремонт фасада. Дом стоит так, что строить леса или подвешивать люльки неудобно, поэтому пригласили нас — промышленных альпинистов, коротко — пром-альпов.

— И что дальше? — спросила Нина, только чтобы спросить.

— Поменяем у вас водосточные трубы, заделаем стыки, покрасим фасад.

— Иными словами, я напрасно вас спасала?

— Никаких претензий! — заверил Сергей.

— Рассуждая здраво, промышленный альпинист, *промальп*, — это слово Нина произнесла с издевкой, с какой профессиональный филолог повторяет вульгарные неологизмы, — недалеко ушел от самоубийцы. Я приняла ваши действия за суицидальные корчи. Слово «суицидальные» понятно?

Сергей кивнул и улыбнулся. Похоже, с девушкой все в порядке, шарики и ролики у нее на месте. Приняла его за самоубийцу и бросилась спасать. Прикол! Надо будет сегодня описать этот случай на их сайте, где собираются смешные истории про альпинистов.

— Извините за причиненные волнения, — Сергей продолжал улыбаться.

И смотрел на нее так, словно ждал продолжения. Какого продолжения? Надо указать ему на дверь, то есть на окно. Пусть отправляется туда, откуда пришел. — Правда, Сергей не сам пришел, она втянула. — Чудовищная нелепость! Но почему-то не очень стыдно, и что еще удивительнее — не хочется его выпроваживать. Разум, он же ум, гордость, женское достоинство и прочие замечательные качества, конечно, вопили: немедленно выстави промальпа вон! Медленным аристократическим взмахом руки покажи на окно, ткни указательным пальчиком (маникюр в порядке, вчера делала) и произнеси что-нибудь архаически благородное, вроде: «Соблаговолите покинуть мои апартаменты!» Апартаменты — про десятиметровую комнату в старой распашонке? Можно сказать «мое жилище» или «мою обитель». Все не годится! «Обитель» — и он примет ее за чокнутую. Уже принял? Почему не перестает улыбаться и выжидательно смотрит?

Разум подсказывал слова, конструкции из всех пластов лексики — от стародавних до современных. Но язык отказывался их произносить. Подчинялся эмоциям, возникшим не к месту, неожиданно и абсурдно. Да что особенного в этом индустриальном... нет — промышленном альпинисте? (Так, глядишь, у нас появятся и промышленные туристы, и промышленные следопыты.) Ничего особенного. Роста

среднего, ближе к нижесреднего, худощавый и подозрительно юный. Моложе ее! Мальчишка лет восемнадцати. Минутку! Какое мне дело до его возраста? И потом... глаза у него совершенно не ребячьи, даже морщинки можно рассмотреть... Хватит рассматривать! Отвернись от него! Посмотри на любимый портрет Чехова. Антон Павлович говорил: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой». Тогда почему мне не стыдно перед этим промальпом, которого собственноручно затащила в комнату и ползала по его телу?

Тот участок мозга, который уже устал подсказывать ей достойные фразы для выпроваживания, вредно ответил: «Потому что молодой человек тебе нравится. Ты норовишь повернуться к Сергею левым профилем, который полагаешь самым выигрышным в своей внешности. Как не стыдно! Не слышать голос разума! Я возмущен. Зачем я тебе, глупой, дан?»

Все против нее: и Чехов, и собственное сознание!

Затянувшееся молчание прервал Сергей:

— Можно попросить у вас стакан воды?

До Нины не сразу дошла его просьба, понятийный аппарат почему-то буксовал, смысл доходил с задержкой. Зато она могла гордиться холодно (кажется, у меня получилось холодно?) произнесенным ответом: